

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Марии СПАССКОЙ в серии
«Артефакт & Детектив»:**

Роковой оберег Марины Цветаевой

Кукла крымского мага

Безумный поклонник Бодлера

Черная луна Мессалины

Магическая трубка Конан Дойла

Серьга удачи знаменитого сыщика Видока

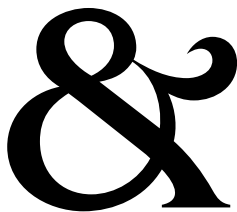
Волшебный фонарь Сальвадора Дали

Сакральный знак Маты Хари

Флейта гамельнского крысолова

Молитвослов императрицы

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Мария СПАССКАЯ

**Молитвослов
императрицы**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Спасская, Мария.

С71 Молитвослов императрицы / Мария Спасская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-093997-8

Мирослава готовила выставку, приуроченную к столетию расстрела царской семьи. Среди предметов для экспозиции центральное место занимал черный муаровый молитвослов императрицы Александры Федоровны. Но Мира недосмотрела, и молитвослов был похищен! Теперь ей во что бы то ни стало нужно найти его. Только она уже не уверена, что хочет вернуть экспонат на выставку. Случайно выяснилось, что молитвослов скрывает в себе старинную тайну и с его помощью у Миры появится возможность исправить самое страшное, что случилось в ее жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-093997-8

ООО «Издательство «Э», 2018

Царское Село, декабрь 1916 года.

Е

сли бы не ботинки, Влас бы давно уже закончил. Ботинки желтой кожи, на толстой каучуковой подошве являлись особенной гордостью Власа Воскобойникова, и испортить их было бы для него величайшей трагедией. Без них, желтых, матовых и великолепных, целостность образа человека творческого, не чуждого богемы, но в то же время прогрессивного, создаваемая с таким трудом и упорством, была бы безвозвратно разрушена. Ни укороченные шерстяные брюки, ни клетчатое полупальто, ни твидовая, клиньями, кепи не смотрелись бы так шикарно. И ведь был в первый момент порыв надеть калоши, но дядя Пшенек не дал собраться с мыслями, все торопил — быстрее, Влас! Быстрее! Варфоломей Селиванович ждать не станет! Подумаешь, тоже, Варфоломей Селиванович! Цаца какая!

Непростые отношения внутри семьи иногда удивляли, иногда забавляли Власа. И мать, и отец его имели по родному брату, и несходство

дядьев было поразительным. Матушка, Ядвига Карловна, в девичестве носила фамилию Магельская и родом была из Варшавы. Вся семья ее имела самое непосредственное отношение к творчеству — дед писал картины, отец и брат занимались фотографическим искусством.

Однако судьба повернулась так, что замуж Ядвига вышла за торговца колониальными товарами Ефима Воскобойникова и поселилась в Царском Селе. Вскоре в Царское Село из Варшавы перебрался и матушкин брат, Пшемислав Магельский, купив фотографическое ателье фон Ган. Ателье имело монополию на съемку и тиражирование фотографических карточек членов императорской фамилии, и дело обещало деньги и славу. Но если с деньгами все обстояло более-менее благополучно, то со славой выходило нехорошо.

Особую досаду тщеславного поляка вызывало то обстоятельство, что никто не помнил, как его зовут. Не утруждая себя различиями, не только император и его домочадцы, но и все придворные именовали нового хозяина фотографического ателье по сложившейся привычке Ганом. Доходило до смешного — Ганами называли не только самого Магельского, но и его сотрудников.

— Они говорят мне Ган! — устремляя модно подкрученные усы в небо, горько усмехался Пшемислав Карлович. — Этих людей даже не смущает, что прежняя владелица ателье мадам фон Ган была женщиной!

Однако надежду выделиться и войти в историю фотограф не оставлял. Несколько раз Магельский выпрашивал аудиенцию у Ее Императорского Величества, убеждая Александру Федоровну выделить средства на архив, где будут храниться не только фотографические пластины, но и фотокарточки, а также киноплёнки императорского двора, ибо материалов этих уже в настоящий момент скопилось столько, что приходится складировать где попало. Каждый раз императрица идею горячо поддерживала, но денег не давала, и в конце концов отчаявшийся Магельский отстроил архивное хранилище на собственные средства. Но и это никоим образом не поспособствовало его узнаваемости, и фотографа при дворе по-прежнему именовали Ганом.

Смирняя гордыню, фотограф урезонивал себя тем, что грех обижаться на приземленных личностей, которым чужды высокие духовные порывы, находя подтверждение своим размышлениям тут же, в собственной семье. Магельский снисходительно наблюдал, как муж сестры с непосредственностью, достойной всяческих похвал, завозит в свою лавку колониальных товаров японскую водку саке и под видом экзотического продукта торгует ею после дозволенных десяти часов, в то время как брат-урядник его покрывает. На фоне братьев Воскобойниковых Магельский казался себе романтиком-бессребреником, Микеланджело в коровьем стойле.

Как-то в трактире «У старушки» Магельский разговорился с Соломоном Пиголовичем. Соломон Наумович служил начальником склада вещественных доказательств сыскной полиции, а в Царское Село был переведен из Москвы. Прикрывая глаза тяжелыми веками и причмокивая пивной пеной, Пиголович подробно поведал новому знакомцу о постановке фотографического дела на службу криминальной полиции по прежнему своему месту работы.

— Был такой француз, Бертильон. Низенький, невнушительный — никакого авторитета среди коллег! — говорил Соломон Наумович, вызывая невольную усмешку на устах слушателя, ибо рассказчик сам как нельзя более подходил под описание Бертильона. — Никто Бертильону не верил, что при помощи фотографических карточек можно раскрывать преступления. Все над ним смеялись и обижали. И все-таки вышло по его, по-бертильонски. Нынче не только во Франции, во всей Европе метод Бертильона используют. В Москве целая картотека существует.

— Большая? — живо заинтересовался фотограф, только что закончивший в отдельной пристройке организацию архива семьи Его Императорского Величества и до сих пор переживавший по поводу непомерности суммы, в которую вылилось это начинание, и ничтожности полученных от этого выгод.

— Ну как вам сказать? — почесал мохнатую бровь собеседник. — Изрядная. Отдельная зала, в ней шкафы, шкафы, бесконечные ряды стеллажей, поделенные, как соты, на отсеки, и в подписанных по алфавиту ящичках — портреты преступных элементов анфас и профиль. И отдельно — стойки с фотографически запечатленными местами преступлений.

Пшемислав Карлович забыл про пиво. Он подался вперед и азартно спросил:

— А у нас почему же не практикуют?

— Кому тут практиковать? — удивился Пиголович. — Ретрограды, душители передовой мысли. Да и средства на это нужны немалые, а сейчас, изволите ли видеть, война.

Вспомнив неудачу с получением ссуды на архив, фотограф тяжело вздохнул, однако идея стать первым в Царском Селе носителем прогрессивной методы криминалистической фотографии крепко засела в голове Магельского, и он даже повторно встречался по этому поводу с Соломоном Наумовичем, обсуждая возможные перспективы предприятия. Несколько дней Магельский ходил, погруженный в свои мысли, и задумчивый взгляд его нет-нет да и останавливался на крутящимся в лаборатории племяннике.

Смышлен, расторопен, гимназию закончил, мать прочит Власа в университет. Правда, не в московский, а в питерский, хотя московский был бы предпочтительнее. Но ничего не поддела-

ешь, видно, не судьба. Этой весной приехал Влас в Москву, а с ним на Чистых прудах возьми да приключись пренеприятная оказия — угодил в Первую градскую больницу. Теперь племянник о Москве и слышать не хочет. Но Ядвига Карловна настаивает, чтобы Влас хотя бы в Петербурге вслед за другом Ригелем пошел учиться на доктора. Отец же мечтает посадить Власа вместо себя в лавке, ибо болен и немощен. К вящей досаде отца и печали матери, Влас не чувствует ни малейшего призвания ни к торговле, ни к медицине, с обожанием взирая на великопленного дядюшку Пшенека и его мудреную аппаратуру. По всему выходило, что без Власа не обойтись.

На именины Власа, когда в доме сестры собрались все члены семьи, Магельский улучил момент и, когда братья Воскобойниковы отправились в палисадник выкурить на свежем воздухе по папиресе, завел речь о Влаसे. А также о необходимости выделения полицейским управлением его фотографическому ателье средств на расходные материалы для криминалистической фотосъемки, упирая на свою осведомленность в некоторых деликатных вопросах.

В первый момент Ефим Селиванович и слышать не хотел о том, чтобы сын стал фотографом, но Варфоломей Селиванович, которого затрагивал вопрос о выделении средств на фотосъемку, обратил внимание на нехорошие

нотки в голосе родственника и с угрозой спросил:

— Вы что же, господин Магельский, черт вас подери, вздумали нас шантажировать?!

— Совершенно верно, господа, — с подкупающей искренностью широко улыбнулся фотограф. — Вы, Варфоломей Селиванович, выбиваете средства на расходные материалы, а Ефим Селиванович разрешает сыну заниматься фотографией. В этом случае никто не узнает о незаконной торговле алкоголем. Влас будет не только помогать мне в фотоателье, но и станет выезжать вместе с господином урядником, — учтивый наклон головы в сторону Воскобойникова-старшего, — на места преступлений и подробнейшим образом запечатлевать их на фотографические пластины.

Глаза обоих братьев сделались одинаково круглыми и изумленными.

— Это чего же ради? — пробасил Варфоломей Селиванович. — Ваш-то какой резон?

— Не для себя стараюсь, для прогресса, — посурил фотограф.

Урядник предпринял слабую попытку вывернуться:

— В полицейском управлении и места столько нет, чтобы хранить все пластины и карточки.

Но Магельский был готов к подобному повороту беседы и тут же откликнулся:

— Начальник склада вещественных доказательств Пиголович был так любезен, что согласился хранить эти снимки у себя и вести карточку и архив.

— Ну, допустим, спросить-то я у начальства спрошу. А дальше, господин хороший, уж как получится, — сдался урядник Воскобойников.

И с самого лета Влас, ведомый твердой рукой дяди Пшенека, не только возился в лаборатории с фотографиями, но и без устали посещал места преступных событий и делал фотографические снимки. Обычно для этой цели он надевал яловые сапоги либо калоши, а в этот раз поторопился и обул американские ботинки, в которых теперь жалко лезть в грязь.

Влас изловчился и, выбрав место посуше, шагнул вперед.

Дама лежала так, что поймать ее в объектив целиком было затруднительно. Хорошо одетая, в ротонде на котиковом меху. И как ее угрозило попасть под колеса мотора, да так, что голова вместе со шляпкой всмятку? Увязая в размокшем снегу деревянными ножками штатива, Влас сдвинул треногу аппарата в сторону и нашел, что теперь ракурс вполне удовлетворителен.

— Хорошо еще, что не Великий Князь управлял мотором, — философски заметил Варфоломей Селиванович, рассматривая «Бенц» из гаража императорского брата. — С вами, любезный, — обернулся он к великокняжескому шоферу, — це-

ремонтиться не станут, в острог упекут. А если бы вел машину Константин Константинович, у всех бы были неприятности. Кто ее знает, эту покойницу? Кто такая? Откуда? Вдруг какая высокопоставленная особа?

— О чем вы, никак в толк не возьму? — про- бормотал невольный убийца, похолодев при слове «острог».

— В толк он не возьмет! — передразнил Вос- кобойников-старший. И наставительно прого- ворил: — Даже ребенок понимает, что Царское Село — место особенное. Семья императора про- водит здесь почти полгода, и потому население соответствующее. Бóльшую часть составляют придворные, как царские, так и гостей Его Им- ператорского Величества — разных послов и мо- нархов дружественных держав. И вполне есте- ственно, что покойница может оказаться кем угодно. К примеру, фрейлиной. Или даже Вели- кой Княгиней.

Эта мысль заставила шофера окончательно приунуть. Сквозь стеклышко видоискателя Влас видел, как виновник трагедии понурил голову, а отчитавший его урядник шагнул к похожему на брошенную куклу мертвому телу и, сдвинув муф- ту, с силой потянул из окоченевшей руки изящ- ную дамскую сумочку. Раскрыл и, порывшись сре- ди вещей, достал паспортную книжку.

— Екатерина Никифоровна Лукьянова, — прочитал он. — Мещанка Волынского уезда.

И, обращаясь к шоферу, сурово заметил, убирая документ к себе в карман:

— Вам повезло, что мещанку, а не Великую Княгиню переехали!

— Она сама! Сама под колеса бросилась! — заволновался незадачливый усач в хрустящей хромовой тужурке. — Да и не видел я ее! Из этих вот кустов неожиданно шагнула! Откуда она там вообще взялась?

— Мятлев! — окликнул урядник.

— Вашблародь? — исполнительно отозвался сотский, топтавшийся у означенных кустов.

— Доставьте задержанного в часть, пусть страпчий запишет показания.

Послышались тяжелые шаги, сопровождаемые протяжными вздохами, но Влас не обратил на них внимания — он был весь в работе. Запечатлев картину происшествия, щелкнул затвором фотографического аппарата и обернулся к лениво вытягивающему из портсигара папиросу дядюшке с чувством выполненного долга.

— Все. Готово. Завтра смогу предоставить фотоснимки.

— Да где же санитары запропастились? — озабоченно заозирался по сторонам Варфоломей Селиванович, окидывая тревожным взглядом Садовую улицу и Екатерининский парк.

Видя такое равнодушие к своему труду, фотограф даже вспотел от обиды, но виду не по-

дал — привык. Затея Магельского уряднику явно не нравилась, однако чрезмерная осведомленность родственника заставляла терпеть его глупые выходки.

Укладывая фотографический аппарат в рыжий кофр из тугой кожи, Влас не сразу заметил, откуда он взялся, этот субъект в форме почтового служащего. Просто в какой-то момент услышал сдавленный стон и протяжный вскрик. А оглянувшись, увидел стоящего над распластанной на дороге женщиной худого смуглого брюнета с растрепанными волосами и всклокоченной бородкой клинышком. Брюнет в тужурке с почти-мастерскими околышами еще раз вскрикнул, прижал фуражку к глазам и, подломив колени, упал на грудь покойнице.

— Катенька! — зарыдал он. — Боже мой, Катенька! Как же так? Все он! Он! Будь он проклят!

При виде подобной заинтересованности урядник оживился и, отбросив недокурную папиросу в кусты, размеренной походкой служилого человека при исполнении обязанностей двинулся к живописной группе.

— Ваша знакомая? Кем вам доводится? — строго осведомился он.

— Жена моя, — чуть слышно прошепестел брюнет. — Катенька.

— А по фамилии как?

— Лукьянова.